

№ 2 (февраль), 2015г.

Ойратские родственники Абылай хана

К 550-летию образования Казахского ханства

Клара Хафизова, доктор исторических наук, профессор-китаевед

О казахско-джунгарских отношениях написано немало, еще больше воспето подвигов предводителей казахов как белой, так и черной кости, проявленных в войнах с западными монголами. Однако взаимоотношения этих народов не столь одномерны. Эти народы связывало многое, кочевой образ жизни, дисперсно-контактное проживание по долинам одних и тех же рек и склонам одних и тех же гор.

Правильнее было бы называть западных монголов, говорящих на диалекте, обогащенном тюркизмами, не джунгарами, а ойратами. Джунгары были всего лишь одним, и не самым большим, из четырех крупных родоплеменных объединений, их правители происходили из рода чорос.

Этнический состав народов никогда не был однородным и прежде, в течение веков происходили процессы монголизации и тюркизации некоторых родов. В XVII – XVIII

веках – особенно в трагические для ойратов времена – население Казахского ханства значительно пополнилось за их счет. Ойратский компонент в социуме, его социально-политическое место и роль привнесли новые краски в жизнь, во внешнюю и внутреннюю политику степных властителей, в их дипломатию. Казахскую и ойратскую аристократию связывали родственные узы, мифически ведущие с гуннских времен. В XIII веке предком казахских ханов почитался первый сын, а ойратских – родной брат Чингисхана. В XVII –

XVIII веках не прерывались также брачные союзы, а во время междоусобиц и разгрома Джунгарского ханства во многих казахских белых и черных юртах нашли приют ойратские беженцы, невольники и невольницы.

В восточных обществах с его сложной родоплеменной структурой трудно переоценить родственные связи. Иерархия родственных отношений в их языках (как и в китайском) выражается очень четко и лаконично. В казахском языке, к примеру, для обозначения многочисленных родственников существуют отдельные слова, по которым сразу понятно, кто из них младший, а кто – старший, кто является родственником со стороны матери, а кто – со стороны отца и т. п. В русском языке приходится прибегать к дополнительным пояснениям.

В недавнем прошлом, отношения между кочевыми родами и племенами четко регламентировались и влияли на стратификацию и соблюдение норм поведения каждым индивидуумом. Брачные союзы между семьями в кочевом обществе понимаются гораздо шире и отражаются на общественных отношениях намного сильнее. Не будет преувеличением сказать, что они не стирались из памяти последующих поколений, наложили отпечаток на их менталитет.

Родственные отношения связывали все правящие дома казахских кочевников. Правители и их правопреемники обращали особое внимание на выбор старшей жены, главным предпочтением были не она сама, а ее род и племя. Да и последующие жены избирались отнюдь не случайно. У богатых казахов с их многовековым традиционным многоженством, помимо старших и официальных младших жен, были наложницы, рабыни. Женщины, доставшиеся в числе военных трофеев (олжа), как и угнанный скот, считались законной добычей, на которую никто не имел права посягать.

У хана Абылая (ум. в 1780 г.) калмыцкие (ойратские) жены составляли большинство. Их было больше, чем у кого бы то ни было. И это не могло не влиять на его личную жизнь, накладывало отпечаток на разные стороны его деятельности. Мы уже отмечаем, что двор Абылай хана отличался от двора и аулов его предшественника Абулмамбет хана большим этническим разнообразием. Большинство ойратских жен взято султаном в плен в 1755–1759 гг. Можно предположить, что среди них были представительницы племен царского рода чорос, а также знатные женщины и простолюдинки непосредственных соседних родов хойт, дэрбет, торгут. Абылай высоко ценил грамотных и воинственных родственников своих жен: их родных и усыновленных детей, отцов и братьев. Об этом до нас донесли предания и источники на русском и китайском языках.

В 1741 г. Абылай оказался, можно сказать, в почетном плену у Галдан-Цэрена (ум. в 1745 г.). Это, по-видимому, произошло в промежутке времени февраль-май 1741 года, ибо на это время приходится вторжение войск Септеня и Лама-Доржи в казахское Прииртышье. Освобожден из плена в августе-сентябре 1743 г. В плену султан приобрел жену и побратима – хойтского князя Амурсану. В то время Абылаю исполнилось 30 лет, и эта жена, казалось бы, не могла быть первой. Русские источники называют ее «большой» женой. Она была сосватана султану самим ойратским ханом, что, конечно, поднимало ее статус до уровня старшей жены. А с другой стороны, неудивительно, если личная жизнь Абылая не была устроена в связи с его скитаниями, военными набегами, служением Толе би, хану Абулмамбету. По другим русским же сведениям, байбише Абылая и мать его преемника была каракалпачка по имени Сайман. Годом рождения Валисултана большинство исследователей называют 1741-й, и неясно родился ли он до плена Абылая или во время пребывания султана в плену, длившегося минимум 28 месяцев. Здесь стоит также задуматься над тем, что за первенца Абылая можно принять султана Габбаса на основании того, что именно ему императором Цяньлуном присвоен титул «гун», что означало им признание наследника казахского трона. Которая из жен была его матерью, сегодня не известно. Мы также не знаем ни имени женщины, сосватанной Галдан-Цэреном за Абылая, ни ее национальности. Есть, правда, разноречивые сведения об ее отце. Его звали Кенже сарт (Кинзя сарт). Имя тюркское, но это ничего не значит, так как тюркские и мусульманские имена у ойратов были не редкостью. Где-то упомянуто, что Кенже сарт (Кенжесарт?) принадлежал к племени найман. Вторая часть его имени «сарт» может быть приставлена для отображения его этнической принадлежности к узбекам, каракалпакам, уйгурам или таджикам. В те времена сартами называли тех, кто проживал в городе, занимался торговлей и земледелием. Султан в молодости жил среди сартов, его самого недоброжелатели также называли сартом. Но это другая тема для разговора. Нельзя исключить, что тесть Абылая был выходцем из ойратской семьи, обычно проживавшей среди среднеазиатских народов, перенявшей их образ жизни и имевшей торговые связи с городами региона, и намеренно выдавался за казаха племени найман.

Торговцем Кенже сарт был не мелким, поскольку его лично знал хан ойратов. Галдан-Цэрен всегда заботился о поддержании торговли с Россией и

среднеазиатскими ханствами. Несомненно, Кенже сарт выполнял поручения Галдан-Цэрена политического характера и, как все крупные торговцы, помогал ему финансами и оказывал услуги. Путь к среднеазиатским и русским пограничным городам лежал через казахские земли. Безопасность посольских и торговых караванов во многом зависела от доброжелательного отношения правителей транзитных территорий и от их посредничества. Такого человека намеревался Галдан-Цэрен найти в лице Абылая, провожая его от себя как гостя. Он также стремился уменьшить влияние России на ханов Абулхаира, Абулмамбета и вассалов Абулмамбета – Барака и Абылая. Вспомним, что Абылай принял подданство России вслед за своим сюзереном всего за год до плена. После этих двух событий в его жизни, Абылай становится заметной личностью в Казахском государстве.

В 1763 году, через 22 года Абылай по личной договоренности с цинским императором, проводил Кинзя сарта в пяти кибитках с женами, детьми и скотом в Илийский край: «... и для верности прислал он, Аблай, к нему китайскому владельцу в аманаты большой ево, Аблаевой, жены отца найманского рода киргисца Кинзя-батыря, ево родственника, которой наперед сего при жизни зенгорского владельца Галдан-Чирина в великой милости и знатности находился, и потому китайскому владельцу он, Кинзя, знатен, коему де обещает давать в год жалованья по пятисот ланов, то есть по тысяче рублей в год...»¹ Абылай отправил тестя в июне 1763 года вместе с посольством к Цяньлуну во главе с султаном Урусом и с возвращающимся от него цинским посольством и охраной. К этому посольству присоединилось также первое посольство Нурали хана, его брата Ералаи султана и хана Хивинского ханства. На территории Китая к ним присоединилось посольство афганского Ахмад шаха.² Это стало крупным событием в международных отношениях Казахского ханства. Кенжесарт являлся лицом, облеченным большим доверием Абылая, его представителем в Синьцзяне.

Возможно, некий Кинзя-кара, который ездил курьером из Или и обратно, являлся одним из сыновей тестя Абылая. Русские называют его бухаретином, что также означает: мусульманин, сарт, выходец Средней Азии или Кашгарии (Большой и Малой Бухарии). В следующем году синьцзянские шурины связались с Абылаем, они не советовали ему приезжать на встречу с цинским наместником. Начальнику Троицкой крепости в 1764 г. доложили, что «китайские генералы, живущие в новозаведенных (крепостях) на разоренной калмыцкой земле, советуют тайным образом, чтоб Аблай-солтана позвать к себе, якобы для свидания. Однакож-де чрез находящихся в той китайской земле Кинзи сарта детей, а Аблай-солтана родных шурьев (шуринов. – К. Х.), тайным же образом чрез приезжающих и торгующих киргис-кайсак оной солтан уведомлен, чтоб на зов китайских генералов не ездил, а ежели-де приедет, то сам погибнет и его жительство разоритца».

В составе (а фактически – во главе) посольства Абылая в Китае в 1757 году, состоящего из 12 человек, был некий старшина Умор (Умер, Умертай). После возвращения из Пекина стали известны некоторые обстоятельства казахско-цинских переговоров. Умор, не посоветовавшись с другими послами, сообщил императору Цяньлуну, что Абулмамбет хан и Абылай султан приняли подданство России несколько лет тому назад. На вопрос императора о том, могут ли казахи выступить против России, Умор якобы ответил: «киргисцам (казахам. – К. Х.) ни в каком случае против России восставать невозможно, и боде они Ея императорского величества государыни российской назад тому уже лет с тридцать (так в тексте! – К. Х.) подданными находятся и к тому де весьма близко к России кочуют, да таким де малым людям все они киргисцы во всякие между знатными государствами ссоры и мешаться очюнь недолжно, из-за чего де он богдыхан больше того уже и не требовал».

Почему заявление Умора явилось неожиданностью для других членов посольства? Мы можем только гадать, поступил ли Умор на основании инструкции Абылая, но выразил его мнение он точно. Это посольство привезло в Пекин список знатных казахов из 60 человек, составленный без ведома многих из них и под давлением командующего цинскими войсками на границе. Он стремился закрепить военное поражение Абылая и Абулфеиза и объявить полное подчинение казахских феодалов династии. Теперь эта операция срывалась. Абылай не наказал Умора за «оговорку» и продолжал использовать его для дипломатических связей с Китаем. Китайские документы вносят некоторую ясность в биографию этого доверенного лица Абылая.

В 1762 г. Умор оказался в числе посольства Абылая во главе с султаном Даулеткереем (Дулаткереем). В своем письме к императору Цяньлуну Абылай просил выдать ему ярлык на ханство, скрепленный печатью, а также разрешения поселить Умора в Илийском крае. В ответном послании императора от 30 сентября сказано: «В своем послании ты говоришь об Уморе, одном из членов посольства, который раньше проживал в Или. Он хочет вернуться и вновь устроиться (в том крае, при этом) иметь свободу передвижения. Решили исполнить и эту (твою) просьбу. Милостиво жалуем Умору звание цяньцинмэнь шивэя (офицера дворцовой гвардии). Разрешаем временно вернуться (в Казахстан), (чтобы) он смог привезти свою семью. Отдельно выдаем Умору и его младшему брату на дорожные расходы слитки серебра. Приказали осведомить тебя об этом. Специальное повеление!». 5 октября 1762 года издан приказ императора о выдаче Умору слитков серебра для переезда в Или. Однако, хотя император испытывал необходимость в службе Умора, уважал его за откровенность, но все же не мог полностью избавиться от подозрений. Через несколько дней, 12 октября он приказал Илийскому генерал-губернатору Агую тайно собрать сведения об Уморе: «Также повелено. Среди послов Абулая, представленных Нам на аудиенции, был некий Умор. (Он) вручил прошение Абулая, (в котором) говорится о желании Умора переселиться на жительство в Или. Абулай ходатайствует за него. (Мы лично) расспросили Умора, он действительно искренно хочет переселиться в Или вместе со всей своей семьей. Мы приказали произвести его в Цяньцинмэнь шивэи и велели сообщить об этом Абулаю. Умор доложил, (что) он хотел бы выехать из Казахстана в 3 луне будущего года и просит Илийского генерал-губернатора командировать туда соответствующего служащего, чтобы провезти его (в Или). Повелеваем передать Мин Жую, (чтобы) тот отобрал несколько ойратов, знающих казахский язык, и отправил их к нему, когда потребуются.

По словам Умора, он родился и вырос в Или, скучает по родным местам, такое бывает. Но (возникает) вопрос, если его старшая сестра замужем за Абулаем, к чему ему переселяться? Или они (казахи) надеются, что после переселения Умора в Или, если они надумают переходить границы и кочевать (на нашей стороне), тот сможет известить их заранее о готовящихся операциях по их выдворению? Вполне возможно. Однако, это одни предположения без основания. Предположим, он (Умор) действительно сможет передавать вести (Абулаю), но из Казахстана (к нам) перебежало много ойратов, разве возможно принять меры предосторожности от каждого из них? Мин Жуй должен понять наши (опасения), скрытным образом проследить (за Умором), (чтобы никто этого не почувствовал)».

Очень скоро, 19 декабря 1762 года, учитывая расстояние между Или и Пекином, а также время на сбор информации, получен доклад Агую: «Получив приказ о выяснении причин желания члена казахского посольства Умора переселиться в Илийский край, приказал шивэю Шитуну съездить к его знакомым ойратам. Они сказали, что Умор является ойратом. Его отец во времена Галдан-Цэрена подстрекал на набеги на казахов и всегда враждовал с ними. Так как (Умор) является младшим

братом жены Абулая, тот специально назначил его в посольство, (чтобы) спасти (ему жизнь). Сведения эти совпадают с изложением обстоятельств Умора в докладе Абулая, с его желанием защитить (его от мести). Но казахи вызывают большие подозрения, опасаясь, из-за возвращения Умора в Или, как бы они не напали на него в пути. Предполагаем в 3 луне будущего года направить людей для того, (чтобы) они привезли его в Или. Пользуясь тем, что Абулай прислал письмо, (они поедут) под видом доставки ответа (на его письмо)». (Доклад выслушан императором.)

К сожалению, в документе не указаны ни имя, ни возраст младшего брата Умора, как, впрочем, и возраст его самого.

Цинское правительство через пять лет после уничтожения Джунгарского ханства и безжалостного преследования ойратской знати, объявило всем беженцам амнистию и призвало их возвратиться на родину. Оно решило заселить опустевший край, многие районы которого за эти годы явочным порядком освоили казахские кочевники. Во время преследования ойратов, многие казахские владельцы, чтобы избежать давления Цинов и сохранить жизнь ойратским родственникам и толенгутам, объявляла их казахами, принимали их в ислам. Это делалось равно и для того, чтобы спасти их от мести своих казахов. Когда цинский двор кардинально изменил свою политику в отношении уцелевших ойратов, некоторые из них решили возвратиться, пользуясь предоставленными с цинской стороны льготами. На первых порах, тем, кого брали на службу, выдавалось денежное пособие, для знати она была намного выше помощи рядовым скотоводам. Ойратов распределяли по гарнизонам, почтовым и военным станциям, наделяли скотом. Они доставлялись по договоренности под видом посланцев Абылая и Абулфеиза, в сопровождении казахских проводников и охраной по территории казахов, на территории Западной Монголии и Синьцзяна. Их сменял цинский отряд.

В 1768 году отправлен в Пекин вместе с возвращающимся цинским посолом Наваном ойратский тайджи Чоноци, младший брат Мэнгулдая, выступавшего на стороне Цинов и погибшего в бою. Чоноци был объявлен приемным сыном Абылая. Он также получил чин офицера дворцовой охраны с павлиньим пером и оставлен в Пекине.⁸ Очевидно, Абылай был привязан к нему и возлагал на него надежды как на верного ему человека. Император велел написать султану, что будет разрешать тому навещать названных родителей. Это был пробный шаг Абылая перед тем, как отправить в Пекин своего родного сына Валисултана в следующем году, и еще одной ступенькой султана к желанному ханскому трону. Ответом на приказ императора Цяньлуна разрешить казахским кочевникам проводить зиму в Тарбагатае и Или за пограничной линией, установленной Цинами в одностороннем порядке. Ойратские родственники использовались также в отношениях Абылая с Россией, Кокандом и кыргызами.

В 1764 г. переводчик Оренбургской губернской канцелярии при заграничной экспедиции Яков Гуляев доставил к генерал-губернатору послов, а также отдельные листы от Абылая и двух сыновей Барака – султанов Тагира (Даира, зятя Абылая) и Букея на имя Екатерины II. Абылай командировал их в Санкт-Петербург «нарядя пасынка своего, взятой за себя зенгорской калмынки сына, названного им Бюрисолтаном, и с ним старшинских детей восемь человек».⁹ Не иначе, как султан предназначал Бөрі (Волк или Молодец – по-казахски) в аманаты с пребыванием в Оренбурге, или поблизости в Троицкой крепости. В 1767 году «Буря-солтан, приемыш» Абылая был направлен во главе отряда в 300 человек на разведку – «для подсмотру и предосторожности» – против войск кокандского бека Ирдана би, но по пути перехвачен его сторонником Абдрахманом. Тот, продержав отряд у себя два месяца, отпустил всех обратно «не чиня им никакого озлобления».¹⁰ Составители указателя имен к Сборнику документов Казахско-русских отношений путают

приемного сына Абылая с другим Бури-султаном, сыном хана Батыра, зятем Абылая. Второй Бури короткое время был ханом каракалпаков и известие о том, что он убит ими, дошло до русских годом ранее, в марте 1763 года.

Был еще один ойрат, член посольства султана Абылая, отправленного в Санкт-Петербург. Его звали Баир. Это имя упоминается в источниках с начала 1760 года. В январе 1760 года поручик Пензенского пехотного полка Оренбургского гарнизона князь Иван Ураков и переводчик татарского языка Оренбургской губернской канцелярии Яков Гуляев видели в ставке султана Абылая «зенгорских калмыцких владельцев, двух братьев родных, Юлбулду да Баира, которых сестру родную Аблайсалтан имел за собою в замужестве, кои всегда при нем, Аблае, и находятся...».12 Эти нойоны состояли при султанине как переводчики и толенгуты.

Известно, что перед смертью рядом с ханом на реке Талас были верные ему толенгуты, преимущественно из туркмен и ойратов. Матерью Абылая некоторые считают туркменскую рабыню. Это немаловажное обстоятельство, как и скитания султанина инкогнито в молодости, предводительство над сарбазами, плен у джунгар, являлось причиной некоторого демократизма в поведении Абылая, его толерантности и веротерпимости.

В период рыцарства Абылая его младшим побратимом стал князь ойратского племени хойт – Амурсана. Они могли побрататься и позже: во время первого побега этого нойона в Казахстан в 1754 году, совершенного в компании Даваца – конкурента хана Лама-Доржи. Побег аристократов, членов семьи царского рода ойратов, был успешно осуществлен по его замыслу и с его помощью. Много есть загадочного в судьбах казахского султанина и ойратского тайджи, бывшего младше его на один мушель. Их роднила неумная жажда власти, склонность к принятию неординарных решений и к авантюрам в том значении, которое было характерно европейским рыцарям и известным авантюристам XVIII века. Удивляет тот факт, что при всех зигзагах судьбы, Амурсана никогда не колебался в преданности Абылаю к их клятве. На чем зиждилась эта уверенность, нам неизвестно. И как бы ни толковали их отношения, верно одно, что Абылай позволил тому бежать в единственную страну, готовую приютить нойона – в Россию. Пусть и в крайне бедственном положении, но живым и готовым сражаться с Цинами до конца. А до того, султанин три года укрывал Амурсану у себя, поддерживал его морально и материально, пустил слух о том, что выдал за внука Галдан-Цэрена, рожденного от дочери, обладателя двойного цинского титула принца крови (циньюан). Потерпев поражение, испытывая опасность для своей жизни и независимости своего народа, Абылай просил могущественного Цяньлуна, согласно древней традиции кочевников, «ослабить силки и выпустить птицу, забившуюся в чащобу».

С установлением международных связей в улусах Абылая, наряду с татарскими, среднеазиатскими муллами, постоянно находились «зенгорцы» – переводчики с китайского языка на «калмыцкий диалект», казахский и уйгурский языки. Жили у него и ламы – лекари тибетской медицины. Часть писарей и переводчиков направлялась пограничными ведомствами цинского Китая, царской России, а также Бухарским и Кокандским ханствами.

В марте 1763 года, по случаю восшествия на престол императора Петра III, в Санкт-Петербург прибыло посольство султанина Абылая из 5 человек, во главе с его шурином Баиром и султанином Урусом, сыном султанина Салтамамета (Султан-Мухаммеда) – двоюродного брата султанина Абылая. Их поездка заняла около года. Здесь выяснилось, что Баир «природный не киргис-кайсак, но из зенгорских нойонов хойтовской фамилии и принявший при побеге уже в киргис-кайсацкой народ

магометанский закон, по такому случаю пожелал Аблай на сестре его жениться, и он при ней же остался».

Оказавшиеся в чопорной столице в одно время с посольством Абылая посол Нурали, Джанибек и Баир не раз выводили молодого султана Уруса из конфликтных ситуаций протокольного характера с чиновниками Коллегии иностранных дел. В этом учреждении ничего не осталось от прежнего московского Посольского приказа с его «татарщиной», поэтому заключили: «Сии солтаны такими варварами по всем их поступкам и разговорам оказались, каких еще здесь никогда в приездах не было».

Вскоре по случаю восшествия на престол Екатерины II казахским послам и старшинам русское правительство пожаловало медали: золотую – Баиру, серебряную – султану Урусу. Награды были вручены в ставке султана Абылая. Вклад ойратских родственников в развитие посольских связей Казахского ханства получила благодарность султана Абылая и международное признание в лице двух великих держав – Российской и Цинской империй. Некоторые из них остались в Казахстане, влились в казахский народ и составили свои небольшие волости (аулы).

Литература

1. Цинская империя и Казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв. Ч. 1–2. Алма-Ата: «Наука», с. 44.

2. См. журнал «Мысль». № 11, 2013, с. 39.

3. Казахско-русские отношения в XVI – XVIII веках. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1961, с. 669.

4. Киргис-кайсацкие дела. Архив внешней политики Российской империи. 1758. Оп. 122/1, Д. 4, Л. 215–216. (Секретный доклад генерал-майора Тевкелева и коллежского советника Рычкова от 27 августа 1758 года).

5. Гаоцзун шилу Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу (Правдивые записи правления Цяньлун Великой династии Цин). Токио, 1936, 668, 13–14; Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе, суйбянь (Высочайше утвержденные стратегические планы умиротворения джунгар. Продолжение записей). Пекин, 1771, 18, 5–6 об.

6. Гаоцзун шилу Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу (Правдивые записи правления Цяньлун Великой династии Цин). Токио, 1936, 669, 10–11; Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе, суйбянь (Высочайше утвержденные стратегические планы умиротворения джунгар. Продолжение записей). Пекин, 1771, 18, 10–11 об.

7. Гаоцзун шилу Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу (Правдивые записи правления Цяньлун Великой династии Цин). Токио, 1936, 674, 4–5; Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе, суйбянь (Высочайше утвержденные стратегические планы умиротворения джунгар. Продолжение записей). Пекин, 1771, 19, 9–10 об.

8. Гаоцзун шилу Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу (Правдивые записи правления Цяньлун Великой династии Цин). Токио, 1936, 819, 33 об.

9. Казахско-русские отношения в XVI – XVIII веках. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1961, с. 667.

10. Казахско-русские отношения в XVI – XVIII веках. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1961, с. 685.

11. Казахско-русские отношения в XVI – XVIII веках. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1961, с. 643–644.

12. Международные отношения в Центральной Азии XVII – XVIII вв. Т. 2. М.: «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1989, с. 153.

13. Киргискайсацкие дела. Архив внешней политики Российской империи. 1762–1763. Оп. 122/1, Д. 9, Л. 49 об.